

в четверг поутру

Вся драма истории в ее логике

Общ. газ. - 1994 - 28 авг. - 3-й сем. - 40

«Эх, мала кольчужка» — остается повторить цитату из фильма. Мала газетная полоса, когда в гостях у «Общей газеты» блестящий Эдвард РАДЗИНСКИЙ. Только и утешения, что его обещание скоро вновь встретиться с нашими читателями на страницах «ОГ».

Пьеса, написанная студентом

Каждый человек чем-то болен. Я был болен заполнением бумаги. Лет с 16-ти я понимал, что моя задача — графоманская. Как всякий человек, заканчивающий школу, я не очень знал, что делают люди, которые хотят быть писателями. Думал, что они должны найти себе место, где можно ничего не делать и изучать жизнь.

Таким местом мне показались самые забытые из тогдашних институтов — Историко-архивный. Я пришел в этот институт и обнаружил вокруг множество девушек. Девушки были очень милы. Я подумал, что писательство не самое интересное в жизни и что я попал именно туда, куда хотел попасть. Прошел собеседование и поступил. Что было правильно, поскольку следующие три года я появлялся там только сдавать экзамены.

Дело в том, что в это время я уже написал пьесу. Пьеса была про Герасима Лебедева, основателя первого постоянного театра в Калькутте. Написал ее без большого восторга. Недалеко был театр юного зрителя, и я отнес пьесу туда. Выглядел я ужасно юным — лет на тринадцать. В Театре юного зрителя было свое представление о людях этого возраста. Было известно, что, когда актер выходит на сцену, они стреляют в него из рогатки, устраивают другие интересные предпрятия, но того, кто пишет в этом возрасте пьесы, они видели впервые. Поэтому они как-то сразу сели и позволили мне прочесть пьесу.

Все ТЮЗы хотят быть взрослыми театрами. То есть не хотят заниматься тем, для чего предназначены, — играть детские пьесы. А у меня была взрослая пьеса, написанная о взрослых людях. Там было все, о чем тогда мечтали. Никогда с тех пор я не переживал такого успеха на читке. Помню, как встал Роман Быков, который тогда играл плохих мальчиков, и сказал замечательную фразу, которую застенчиво произнес: «Наш путь лежит через эту пьесу!»

Их путь лежал через эту пьесу четыре года. Четвертого года я ходил в этот театр, не понимая, что такой прием пьесы молодого драматурга значит, что не никто никогда ставить не будет. И никогда бы не поставили, если бы Никита Сергеевич Хрущев не отпустился в Индию. И тогда во всех газетах появились лозунги: «Хинди — руси: бхай-бхай!» Что в нашей стране звучит очень призывно, особенно вторая часть.

Если бы меня не было, меня надо было выдумать. Я — был. Мне позволили и сказали: «С завтрашнего дня начинается репетиция вашей пьесы. Причем репетирует будет индийский режиссер». Этого несчастного напала в ГИТИС. Он пришел в театр и начал показывать индийскую пластику: что такое танец, как движется аягу, которого в пьесе не было, и тому подобное. Потом состоялся читка пьесы актерами. Читали они очень плохо, гораздо хуже, чем я. Я очень расстроился. Они сказали: «Ничего страшного, это же читка. Потом мы будем играть».

Тогда я узнал главную тайну театра: кто как читает, тот так и играет. Режиссер — профессия мифологическая. Несмотря на то, что там было три режиссера: помощник, главный режиссер театра и индеец, со временем читки абсолютно ничего не изменилось.

Я этого не знал, сидел на репетициях, иногда приходил в институт сдавать экзамены. Экзамены сдавать было трудно, потому что я читал источники, чего никто не делал. И там был великий ученый — Александр Александрович Зимин. И его внутренний оппонент — блестящий Сигурд Оттович Шмидт.

Я был «зиминист». Зимин был антиромантик. Он не лю-

бил, когда говорили: «Само собой разумеется, что...» или: «Очевидно, что...» Он требовал документов. А поскольку Россия такая замечательная страна, что в ней все сожжено, дворянские грамоты придумывали в большинстве своем после Смуты, то Зимин занимался веками, от которых документов почти не осталось. Но он все равно их как-то находил. И сделал самое ужасное открытие в своей жизни. Он понял, что «Слово о полку Игореве», на котором держался не только авторитет, но и работа многих научно-исследовательских институтов, — это, страшно сказать, подделка.

Для «Слова» была нужна вся история русского летописания, остатки древнерусской литературы, затоптанной временем Петра. Зимин доказал, что «Слово», скорее всего, было создано в XVIII веке.

Посмотрите на странные обстоятельства появления «Слова о полку». Подлинник оказался в руках Мусина-Пушкина — знаменитого коллекционера, для которого нет ничего важнее его коллекции. Но на Москву наступают французы, и он вывозит все, кроме того, ради чего живет, — «Слова о полку Игореве». Помимо этого, за Мусиным-Пушкиным числились подделки типа Тьмутараканского камня и т.п. Вообще это был некий подделок. Это был жуп.

Зимин предложил ответить хотя бы на часть его предположений, допустим, на одну десятую. Тогда он уймется. Но ему ответили так, как описал Федор Михайлович Достоевский. Человек спросил: «А почему? Почему?» «А вот почему», — ответил другой и ударил его. Зимина ударили. И началась история врага народа. Начали исчезать сподвижники.

Я приходил в институт, в основном к Зимину. Все было замечательно интересно, но похоже на факультет несуществующих вещей.

В этот момент подошла премьера. Спектакль выступили. И я узнал самое прелестное, что может быть в жизни, — провал. Причем провал наступил еще раньше премьеры.

Пьесу репетировал второй режиссер, как всегда в театре. Потом пришел первый — гений и из хаоса создал нечто. И помнил, что главный режиссер ничего не делал, все делал второй. И второй подошел ко мне и шепнул про это. На банкете я встал и как правдолюб провозгласил большую речь о некоторых людях, которые ничего не делают, но ставят свое имя. С этого момента пьеса была снята, чего я еще не знал. Но я знал, что эти люди — враги.

И вдруг через неделю я вижу этих двух врагов, которые в обнимку прошли мимо меня на следующую репетицию. Это был для меня еще один урок театра, где все невозможно репетировать: слезы, обиды, дружба... Потому что это как роли. Вчера он играл

одну роль, сегодня столь же искренне — другую.

Но главного поддержали дети. Когда открылся занавес, дети, сволочи, не смогли сдержать и думать о своем. Они рвали за давки, они кричали друг другу. Педагогическая рать груду вставала перед дверями, потому что перед последним актом дети думали, что это уже конец, и бросались к выходу, давая друг друга. А мне еще надо было выходить в конце на сцену, и вопрос стоял серьезно: кто будет хлопотать?

На четырнадцатом представлении спектакль сняли. Но никогда в моей жизни, ни в прошлом, ни в будущем, у меня не было таких блестящих рецензий. Все они назывались одинаково: «Мечта моя — Индия. Пьеса, написанная студентом».

Или: «Великая дружба. Пьеса, написанная студентом». Везде была приписка: «Пьеса, написанная студентом». В «Советской культуре», в «Советской культуре», в «Советской культуре», в «Советской культуре».

Все кончилось хорошо. Я получил огромную нежную любовь к этому театру. Потому что это был мой первый театр. Я понял, какой это наркотик. Я понял, почему туда так легко прийти и совершенно невозможно уйти.

Потому что очень хотелось уйти. И это была главная причина, почему я не занялся тем, чем должен был заниматься, то есть писанием толстых книжек. И даже занявшись телевидением, я остался в театре. Но уже без страданий, разочарований и внутреннего ужаса: ах, если бы они сделали так, а не иначе... Всеми своими интонациями я заставляю зрителя видеть именно мою картинку, хотите вы этого или нет.

Маленький человек Джугашвили

К моменту перестройки моя книга о Николае II была полностью готова. Не было только документов. Но я «открыл планету на кончике пера». Я все вычислил и был уверен, что прав. Потом пошли документы. Это удивительная вещь: когда вы начинаете работать над книгой, к вам все идет в руки. Архивные работники потом спрашивали о моем методе работы в архивах. Потому что к моему методу введены практически все, после нее никто новых документов не находил.

Газета «Труд» недавно напечатала большую подборку: «Найденные воспоминания Кабанова, участника расстрела царя». Если бы они открыли мою книжку 91-го года, они бы прочитали весь этот мемуар, он там напечатан. Я напел семь показаний плос телеграмм, которая доказывала, что Ленин знал про расстрел. Плюс я напечатал записку Юровского, которую надо было искать. И когда книжка была готова, и я стал ее печатать, это совпало с невероятной для меня трагедией.

Книга была обречена на успех. Я выходил из редакции «Огонька», входил в метро, и весь вагон был покрыт «Огоньком», в котором все дружно читали «Расстрел в Екатеринбурге». И я должен был полностью печатать книгу в «Дружбе народов».

Я не был прозаиком. Попав в журнал, только что напечатанный «Детей Арбата» и бывший на воле, — это мечта. Они «под меня» объявили подписку. Поставили специально в восьмой номер и написали, что продолжение — в девятом, в первом и втором номерах следующего года. И когда вышло начало книги, его заключало мое письмо. Я отказался от дальнейшего печатания.

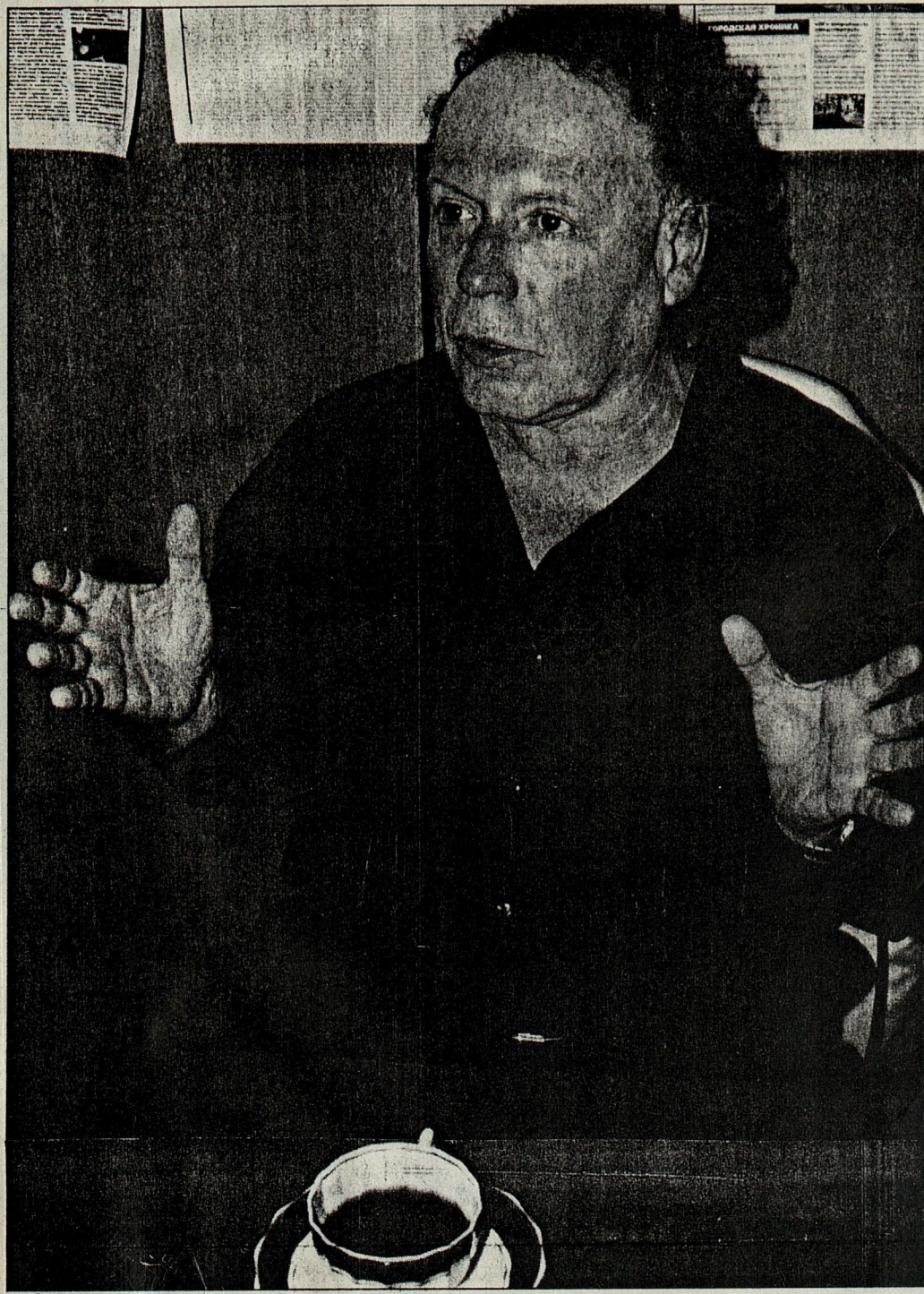
Отказался потому, что после каждой публикации в «Огоньке» шел поток писем с предложением убивать потомков тех, кто расстрелял, находить родственников Юровского и убивать. Была даже создана группа, которая хотела выкопать на кладбище Ермакова, и меня ставили об этом в известность. Все последние публикации в «Огоньке» я заканчивал найденным стихотворением о прощении: «И у преддверия могилы / Вхожу в уста Твоих рабов / Не чуждое сердце / Дышится кутко за врагов». Они его читали, но хотели мстить.

И тогда я понял, что моя страна — безумна. И печатать книжку кусками, когда не понятно главное, значит, увеличивать это безумие. И я забрал рукопись.

Когда я приехал в Америку и они решили книгу печатать, первое, что мне предложили, это сократить ее, как неизвестного автору с 600 страниц до положенных 380-ти. То есть они это уже сами сделали. Я сказал: «Замечательно. Я рукопись забираю». Это не ожидал тогда никто. Я буду до конца жизни благодарен моему редактору Жаклин Кеннеди. Она слушала мой жуткий английский, на котором я пытался объяснить, в чем дело, и в конце сказала: «Много слов не поняла, но интересуюсь». И они напечатали всю книгу. Книга стала супербестселлером и держалась в списке несколько месяцев.

Так же оказался я прав со «Сталиным». Когда я предложил написать «Сталина» здесь, в России, в 91-м году, мне все сказали, что это — для старух. Пипните, если найдете старуху, которые помнят этого человека. Потому что тогда всем было ясно: фигура эта отыграна. Очень средние прошлая книга Волкогонова, которую ждали.

Это была замечательная коммунистическая история, которая все объясняла о примитивном тупом гангстере, который искренне замечательные и действительно очень интересные идеи, о том, какой Сталин ужас-

Русские люди хотят сразу всего. Потому что живут немножко как на вулкане. С ощущением, что однажды придут и скажут: «Господа, на выход, закрываемся».

ный, какой Ленин замечательный. Вот Сталин убили этого, этого и этого он тоже убили. Но он убили еще этого, и не забудете, и этого тоже. Сюда подходит формула дедсада 1953 года: «Дети, кто съел варенье?» И дети хором: «Берия!»

Я, когда начинаю, не знаю, кто съел варенье. Я начал с начала и честно шел за героем, стараясь его полюбить и понять. Как пишут отрицательного героя в пьесе? Вы его любите. Его будет играть актер, который займется его оправданием. То есть объяснением логики. Логика монстра, но — логика.

И я точно знал, что, когда я закончил книгу, в этой стране беспорядка многие почему-то захотят порядка.

Потому что Сталин был востребован временем, востребован российским бунтом. Только такой и мог появиться в стране, где был Разин и Пугачев. Тройщик здесь не подошел. И Ленин установил, что Сталин отрет их приказание отравиться спать, то есть его не охранять. Приказание странное для И.В. В тот день, когда он отдаст приказание его не охранять, он больше из комнаты не выйдет. Потом я выяснил, что, естественно, Сталин никакого приказа не отдавал. Его отдал человек, который якобы слышал слова Сталина. Этот человек после смерти Сталина тут же умирает.

Возможно, Сталину действительно становится плохо. Звонит его приближенным. Они, боясь его, как огня, бегущие по первому его знаку, вдруг становятся почему-то очень смелыми и приезжают только через три часа.

Общее место, что Сталин — агент охраны. А если не агент? Я предлагаю вариант. Вот Калинин, почему он возвращается в Россию, когда все знают, что он агент охраны? Может быть, потому, что есть система двойных агентов? Сталин не мог быть агентом охраны, он был — террорист. Но он, возможно, был двойным агентом. Если нет, то дайте другой ответ. Никто не дает. «Почему? А вот потому!» — и по морде.

После серии передач о Сталине по телевидению я был потрясен его рейтингом: 20,8%. Это больше, чем «Угадай мелодию»,

Есть американское донесение о встрече Сталина с Гитлером. Донесение серьезное, подписанное Гувером. Дальше берем журнал посетителей Сталина. Объективный источник называет мне никто не может. В разгар недели с разницей в день от американской даты Сталин исчезает на двое суток из кабинета. В разгар недели это возможно при одном условии: если человек болен. Учен, что Сталин — трудоголик. После отсутствия «больной» почему-то приезжает ночью и вызывает Молотова и Кагановича. Беседует с ними и потом уезжает домой. Что-то все-таки произошло в этот период, но что? По логике Сталина и Гитлера, этих людей, которые интересовали друг друга, им нужно было обсудить что-то один на один.

Я беру историю о том, что Сталин был убит. Я ее не придумывал. Я сам в это не верил. Но я читаю показания трех охранников, что Сталин отрет их приказание отравиться спать, то есть его не охранять. Приказание странное для И.В. В тот день, когда он отдаст приказание его не охранять, он больше из комнаты не выйдет. Потом я выяснил, что, естественно, Сталин никакого приказа не отдавал. Его отдал человек, который якобы слышал слова Сталина. Этот человек после смерти Сталина тут же умирает.

Возможно, Сталину действительно становится плохо. Звонит его приближенным. Они, боясь его, как огня, бегущие по первому его знаку, вдруг становятся почему-то очень смелыми и приезжают только через три часа.

Общее место, что Сталин — агент охраны. А если не агент? Я предлагаю вариант. Вот Калинин, почему он возвращается в Россию, когда все знают, что он агент охраны? Может быть, потому, что есть система двойных агентов? Сталин не мог быть агентом охраны, он был — террорист. Но он, возможно, был двойным агентом. Если нет, то дайте другой ответ. Никто не дает. «Почему? А вот потому!» — и по морде.

После серии передач о Сталине по телевидению я был потрясен его рейтингом: 20,8%. Это больше, чем «Угадай мелодию»,

больше, чем «Итоги», больше, чем «Час пик», больше, чем все передачи, кроме одной: «Получуде». Я не смел на нее посягнуть. Но она обошла меня только на 0,4%.

Потому я ждал дикой толпы. Я получил множество писем, телеграмм, звонков, но никакого обвала не было. Ни протестов, ни битвы стеклов.

И я знаю почему. Потому что на крупном плане вы не можете лгать. На крупном плане люди видят, что я их не обманываю, что я не ангажирован, что я сам честно пытаюсь что-то понять. Это передается аудитории, и я ушел.

Я заставил себя перед камерой находиться в том же состоянии, как перед началом книги. Потрясенный тем, что Черчилль сказал о нем, что сказал Королев, который был его жертвой, что сказал Слуцкий: «Мы все ходили под богом, у бога под самым боком». Чудовищный, нечеловеческий, языческий, но — бог. Я стараюсь избежать параллелей с нашим временем. Если книжка кончается, и параллели есть, — это замечательно. Если их нет — тоже замечательно. Значит, вы были честны.

Я заставил себя перед камерой находиться в том же состоянии, как перед началом книги. Потрясенный тем, что Черчилль сказал о нем, что сказал Королев, который был его жертвой, что сказал Слуцкий: «Мы все ходили под богом, у бога под самым боком». Чудовищный, нечеловеческий, языческий, но — бог. Я стараюсь избежать параллелей с нашим временем. Если книжка кончается, и параллели есть, — это замечательно. Если их нет — тоже замечательно. Значит, вы были честны.

Я заставил себя перед камерой находиться в том же состоянии, как перед началом книги. Потрясенный тем, что Черчилль сказал о нем, что сказал Королев, который был его жертвой, что сказал Слуцкий: «Мы все ходили под богом, у бога под самым боком». Чудовищный, нечеловеческий, языческий, но — бог. Я стараюсь избежать параллелей с нашим временем. Если книжка кончается, и параллели есть, — это замечательно. Если их нет — тоже замечательно. Значит, вы были честны.

Я заставил себя перед камерой находиться в том же состоянии, как перед началом книги. Потрясенный тем, что Черчилль сказал о нем, что сказал Королев, который был его жертвой, что сказал Слуцкий: «Мы все ходили под богом, у бога под самым боком». Чудовищный, нечеловеческий, языческий, но — бог. Я стараюсь избежать параллелей с нашим временем. Если книжка кончается, и параллели есть, — это замечательно. Если их нет — тоже замечательно. Значит, вы были честны.

Я заставил себя перед камерой находиться в том же состоянии, как перед началом книги. Потрясенный тем, что Черчилль сказал о нем, что сказал Королев, который был его жертвой, что сказал Слуцкий: «Мы все ходили под богом, у бога под самым боком». Чудовищный, нечеловеческий, языческий, но — бог. Я стараюсь избежать параллелей с нашим временем. Если книжка кончается, и параллели есть, — это замечательно. Если их нет — тоже замечательно. Значит, вы были честны.

Я заставил себя перед камерой находиться в том же состоянии, как перед началом книги. Потрясенный тем, что Черчилль сказал о нем, что сказал Королев, который был его жертвой, что сказал Слуцкий: «Мы все ходили под богом, у бога под самым боком». Чудовищный, нечеловеческий, языческий, но — бог. Я стараюсь избежать параллелей с нашим временем. Если книжка кончается, и параллели есть, — это замечательно. Если их нет — тоже замечательно. Значит, вы были честны.

Я заставил себя перед камерой находиться в том же состоянии, как перед началом книги. Потрясенный тем, что Черчилль сказал о нем, что сказал Королев, который был его жертвой, что сказал Слуцкий: «Мы все ходили под богом, у бога под самым боком». Чудовищный, нечеловеческий, языческий, но — бог. Я стараюсь избежать параллелей с нашим временем. Если книжка кончается, и параллели есть, — это замечательно. Если их нет — тоже замечательно. Значит, вы были честны.

начинается битва компроматов. Все, что касается Распутина, это один сплошной компромат.

Сейчас появились смешные рассказы о замечательном добром мужике Распутине, который отдал «жизнь за царя». После них будет полезно почитать, что говорили люди, любившие его. Потому что показаний людей, любивших Распутина, еще не печатали. Временное правительство было идеологическим. Оно печатало только свою версию, что Распутин правил страной, что он манипулировал царской семьей. Создается множество образов Распутина, причем всеми: правыми, левыми, монархистами. А на самом деле он — другой. Он — огромный, чрезвычайно сложный человек, но другой. Он — мужик, в котором есть все: хитрость, простодушие, лукавство, разврат и чистота. И переходы между ними, как у оборотня из сказки: упал и обернулся другим.

Я его чувствую, я иду по его следу. Я никогда не жил так интересно, как сейчас. Это плен, из которого невозможно вырваться. Я еще в марте должен был уехать в Америку, у меня там дело. Потом я должен был уехать в июне. Сейчас я должен уехать в конце сентября. Потому что я не могу отвлечься, и это катастрофа: я — другой, нежели он.

Со Сталиным было проще. В принципе, я при известных условиях мог бы — так же. А тут — нет. Другой генетический код. Мне очень трудно, но в конце концов я это преодолел и стану отличным Распутиным.

Потому что это великая фигура. Он объясняет время, объясняет народ. Распутин — фигура столь же не случайная, как, скажем, дело об ожерелье королевы перед Французской революцией. Он должен был появиться.

И тут же возникли смешные вещи. Если сопоставить газеты 17-го года и нынешние, сделать клише, формулировки, тогдашних и нынешних, то получится полное наложение. Если бы я писал при прежней нехватке книги была бы обречена. Все бы сказали, что я специально вывел Распутина, чтобы писать о сегодняшнем. Но я просто честно и туло излагаю то, что было. Меня меньше всего интересует «галлюзия», как это тогда называлось. Но что делать, если подобные фигуры возникают и сейчас. Распутин-то был покруче. По формуле Горького: «Эти люди мельчают, а жулики — крупнеют».

Когда я запретил печатать здесь книгу о Николае II, я был в ужасе от своих предчувствий будущего. Мне снились невероятные сны о стране, которую, как человека, который не пробовал алкоголя, вдруг наполнил свободой. Но ничего не произошло.

Попытки предсказывать будущее России смешны. Говорят об ужасе, голоде, разгуле, но того, чего предполагали, не случилось. То, как Россия воспримет новое общество, очень интересно, но не непредсказуемо. Каждый раз, когда я прилетаю из-за границы, я возвращаюсь в новую страну. Возникают совершенно новые связи между людьми, по-новому ходят девушки по улице.

Русские люди соскучились под прессом. Сейчас они рискованные, ничего не боятся. Попадая в новые обстоятельства, сразу находят очень кривую дорогу, которая позволяет, риску, достичь сразу многого. В мире никто не рискует. В Америке все налажено, банки дают маленьким процентом, все медленно движется вперед — зачем рисковать?

Здесь все хотят сразу всего. Потому что живут немножко как на вулкане. С ощущением, что однажды придут и скажут: «Господа, на выход, закрываемся». И формула Алексея Толстого: «А ты, боирин, заметь их имена и запиши» — она все равно в мозжечке у поколения. И когда лицо этого «боирина» появляется на телеэкране, все сразу понимают, что этот «будет дани сыпать». Потому что все шутники, а он серьезный и пришел наводить порядок. А что такое порядок в этой стране, все тоже знают.

И молодые люди, хоть и рискованные, но, скажем так, рождены от немолдых. Это разумное поколение, разумное соответствие обстоятельствам. Но то, что страна прошла невероятный путь в сознании, в эстетике, в поступках — бесспорно. И живя в вещах, казавшихся вчера абсолютно сказочными, все воспринимает это как должное. И все почему-то думают, что сразу должны прийти Бисмарк и править. А что его родил?

Полосу подготовил Игорь ШЕВЕЛЕВ Фото Евгения КРЫЛОВА

Люблю вашу газету!